

Woman in Russian Society
2019. No. 1. P. 16—27
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.2

Женщина в российском обществе
2019. № 1. С. 16—27
ББК 66.3(2Рос),15
DOI: 10.21064/WinRS.2019.1.2

ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА: ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Ю. В. Уханова

Вологодский научный центр, Российская академия наук, г. Вологда, Россия,
ukhanova4@rambler.ru

Статья посвящена гендерному аспекту проблемы гражданского участия населения региона. Под гражданским участием подразумевается процесс, посредством которого общественные объединения или индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством и другими социально-политическими институтами с целью решения социально значимых проблем. На основе данных мониторинга общественного мнения жителей Вологодской области, проводимого Вологодским научным центром РАН, выявлено, что женское население наравне с мужчинами выступает полноправным субъектом в сфере гражданского участия региона, что свидетельствует об отсутствии гендерных барьеров в этом направлении.

Ключевые слова: гражданское участие, гражданская активность, гендер, готовность к объединению, потенциал протеста, общественно-политическая жизнь.

CIVIL PARTICIPATION OF REGIONAL COMMUNITY: GENDER DIMENSION

Yu. V. Ukhanova

Vologda Research Centre, Russian Academy of Sciences, Vologda,
Russian Federation, ukhanova4@rambler.ru

The article looks into the gender aspect of public participation in the region. Civic participation means the process by which public associations or individuals get involved in relations with the state and other socio-political institutions in order to address important social issues. Monitoring the data of public opinion of Vologda region residents conducted by Vologda

© Уханова Ю. В., 2019

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-013-01077/18 «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующегося общества».

Research Centre of RAS revealed that there are similar trends in the process of civic participation for women and men in the region: a decrease in the level of activity in public and political life. One of the main factors of low civil initiative is supposed to be the disbelief in the possibility to influence the state of affairs. In recent years, according to the polls, there has been an increase in the willingness to unite for joint actions. The main forms of civic participation for both women and men in the region are elections and community work days. The analysis suggests the low public participation in the Vologda region in social and political life. At the same time, it was revealed that among women involvement in various forms of participation in resolving region's problems is slightly higher than among men. Thus, the female population acts as a full subject on a par with men in the field of civic participation in the region, which indicates that there are no significant gender barriers in this respect.

Key words: civic participation, civic activity, gender, readiness to unite, protest potential, social and political life.

Введение

В современный период в общественно-политическом дискурсе актуализируется проблематика гражданского участия. В мировой исследовательской практике отмечается такой феномен, как «революция участия» — рост активности населения в решении актуальных проблем социально-экономической и политической сфер [Chambers, 2007].

В последние годы в России внимание к обозначенной теме также возрастает. В научном сообществе уверены, что в экономических проблемах страны виноваты системные провалы государства и сложившиеся институциональные условия, в том числе слабая инициативность и культура гражданского общества¹. Сегодня становится все более ясным, что успех экономических преобразований возможен, только если «придавать социокультурной составляющей общественных преобразований значение не меньшее, чем экономической» [Горшков, 2005: 44]. Таким образом, практики различных форм участия могут выступать важным фактором, оказывающим влияние на эффективность государственного управления [Полищук, 2011].

Процесс участия наиболее активно протекает на местном уровне, что обуславливает интерес к изучению проблемы в региональном разрезе. В связи с этим целью настоящего исследования является анализ основных тенденций гражданского участия на материалах Вологодской области, при этом акцент сделан на выявлении особенностей участия в гендерном измерении.

Методика исследования

Эмпирическое исследование гражданского участия населения региона осуществлено на основе данных социологического измерения Вологодского научного центра РАН. Мониторинг экономического положения и социального

¹ К этому ключевому выводу пришли ведущие экономисты (Р. Гринберг, Л. Полищук, В. Полтерович, Л. Якобсон и др.) на конференции Новой экономической ассоциации «Политические системы и экономическое развитие: проблемы взаимосвязи», которая состоялась в МШЭ МГУ 13 декабря 2017 г.

самочувствия населения Вологодской области проводится с 1996 г. с периодичностью один раз в 2 месяца. Репрезентативность социологической информации обеспечивается использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. Первая ступень выборки — это выделение типичных субъектов Вологодской области: городов Вологды, Череповца и районов Бабаевского, Великоустюгского, Вожегодского, Грязовецкого, Кирилловского, Никольского, Тарногского, Шекснинского. Вторая ступень представляет собой территориальное районирование внутри выбранных субъектов. На третьей ступени ведется отбор респондентов по заданным квотам по полу и возрасту. Величина ошибки выборки не превышает 3 % при доверительном интервале 4—5 %.

Теоретико-методологические основы

Согласно толковому словарю под редакцией Д. Н. Ушакова, «участие» означает сотрудничество, деятельность по совместному выполнению какого-нибудь общего дела. Следует констатировать тот факт, что в научной литературе при анализе вовлеченности граждан в решение общественных проблем существует методологическое разнообразие в используемых терминах (социальное или гражданское участие, самоорганизация граждан, гражданская активность и др.). В настоящем исследовании используется термин «гражданское участие», под которым подразумевается процесс, посредством которого общественные объединения или индивиды вовлекаются во взаимоотношения с государством и другими социально-политическими институтами с целью решения общественно значимых проблем.

Проблема участия, самоорганизации граждан для выполнения общественных дел активно изучается как в западной, так и в российской литературе. Исследования зарубежных авторов по проблемам гражданского участия отличает разнообразие использования концептуальных теоретических, а также практических подходов [Cornwall, 2008]. Значительное внимание в западной литературе при исследовании участия уделяется вопросам самоорганизации граждан в контексте местных сообществ [Alesina, la Ferrara, 2000; Gaventa, 2004]. Важно подчеркнуть, что в широком смысле в западной литературе под участием понимается ситуативная практика, которая реализуется на конкретном территориально-социальном пространстве [Cornwall, 2002]. В России, в отличие от интерпретации зарубежных ученых, тема рассматривается несколько уже, при этом акцент делается прежде всего на изучении гражданского участия как вертикального взаимодействия группы или сообщества с государством [Никовская, Скалабан, 2017]. Вместе с тем российские исследователи признают, что необходимо расширять инструментарий при изучении практик гражданского участия, ориентируясь в том числе и на международные проекты, углублять знания о социальной базе самоорганизации граждан [Гражданское общество... , 2011].

В российском обществе в условиях развития демократизации происходит актуализация вопросов участия женщин в решении проблем общественной и политической жизни. Система взглядов в нашем обществе меняется, половая принадлежность играет все меньшую роль при решении общественно-политических вопросов. По данным социологических исследований, проводимых ВЦИОМ, в 2005 г.

на вопрос о том, за кого бы проголосовали на президентских выборах, выбирая между кандидатурами мужчины и женщины (при прочих равных условиях), 44 % респондентов отвечали, что за мужчину, 17 % — за женщину; сегодня первое место занимает ответ «пол не имеет значения» — 54 %. Однако патриархальные взгляды все еще сильны: 38 % скорее выбрали бы мужчину (табл. 1).

Таблица 1

Динамика ответов на вопрос «В случае участия в выборах президента России двух кандидатов — мужчины и женщины — за кого бы Вы проголосовали при прочих равных условиях (образование, возраст, опыт работы)?», %²

Ответ	2005 г.	2007 г.	2011 г.	2017 г.
За мужчину	44	39	44	38
За женщину	17	12	18	5
Для меня пол кандидата не имеет значения	36	42	34	54
Затрудняюсь ответить	3	7	4	3

Исследователи признают, что в общественном сознании по-прежнему доминирует стереотип «Женщина — важнейший социальный субъект, деятельность которого связана с поддержанием семьи, воспитанием детей и гармонизацией крайностей мужского начала в социуме». Подобные стереотипы в равной мере распространены и среди мужчин, и среди женщин, что также затрудняет вхождение женщин в общественно-политическую сферу [Великая, 2012].

Вместе с тем в отличие от властных структур, где в основном преобладают мужчины, в сфере гражданского участия присутствие женщин является более массовым [Бекижеева, Кулябцева, 2012]. Таким образом, отмечается гендерная асимметрия участия, т. е. неравное значение политических и гражданских практик мужчин и женщин [Шведова, 2016].

Результаты исследования

Отправной точкой для развития гражданского участия является соответствующая ценностная база, а именно наличие в структуре жизненных ценностей тех установок, которые отвечают за формирование мотивации гражданского участия. Речь идет в первую очередь об активной жизненной позиции, высоком уровне социальной ответственности и равнодушном отношении к тому, что происходит в обществе (как в стране в целом, так и в ближайшем окружении), о готовности к объединению с целью коллективного решения общих дел.

По данным социологического измерения ВолНЦ РАН, уровень готовности женщин и мужчин к объединению для совместных действий значительно не отличается: в 2017 г. о готовности к объединению заявили 45 % женщин и 46 % мужчин (рис. 1). В 2013—2014 гг. наблюдается заметный рост показателя: у женщин — на 13 п. п. (с 43 до 56 %), у мужчин — на 10 п. п. (с 43 до 53 %), что, возможно, объясняется всплеском патриотических настроений, связанных с укреплением позиций России на международной арене и присоединением Крыма.

² Женщина-президент в России: быть или не быть? // Пресс-выпуск ВЦИОМ. 2017. № 3501. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116481> (дата обращения: 19.01.2018).

В период экономического кризиса 2014—2016 гг., напротив, выявлена тенденция снижения доли лиц, готовых к объединению для совместных действий: у женской части респондентов — на 16 п. п. (с 56 до 40 %), у мужской — на 16 п. п. (с 53 до 37 %). Социологи констатируют, что в период кризиса происходит усиление тренда на индивидуализм, поддержание собственного благополучия и саморазвитие, установки же на взаимодействие с внешним миром, различными сообществами, коллективные действия остаются мало актуальными [Горшков, 2017].

С некоторой стабилизацией ситуации в российской экономике в 2016—2017 гг. наблюдается и снижение уровня социальной разобщенности, что проявилось в том числе в росте готовности к объединению (у женщин — на 5 п. п., у мужчин — на 9 п. п.).

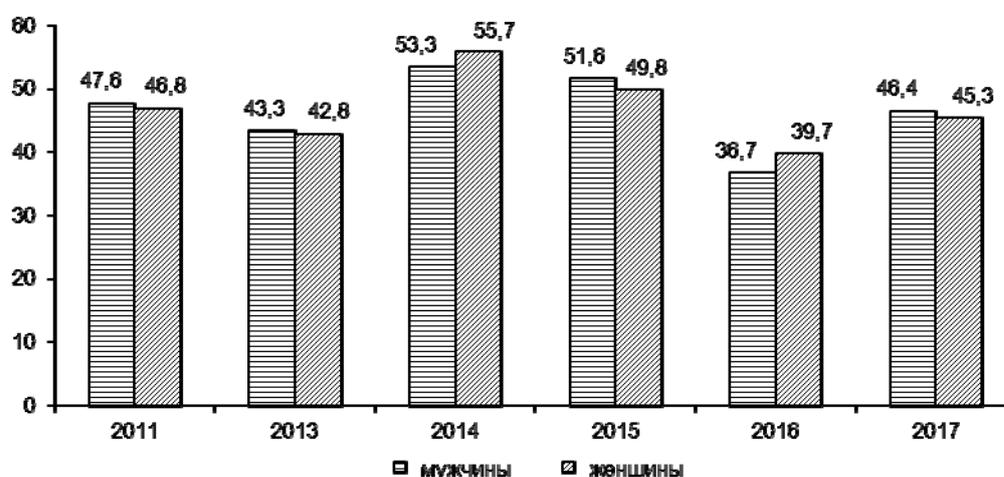

Рис. 1. Готовность к объединению для совместных действий у мужчин и женщин Вологодской области в 2011—2017 гг., %

Однако подчеркнем, что граждане могут объединяться по разным причинам и далеко не все объединения направлены на укрепление существующего порядка, о чем свидетельствует сохранение в обществе готовности к протестному поведению.

В 2017 г. по сравнению с 2011 г. потенциал протестного поведения³ у женщин сохраняется без значительных изменений (16—18 п. п.), у мужчин показатель несколько снизился (на 4 п. п.: с 23 до 19 %). Вследствие этого, если в 2011—2014 гг. сохранялся разрыв в значении показателей женской и мужской части респондентов (на 5 п. п. потенциал протеста у мужчин выше, чем у женщин), то к 2015—2017 гг. он практически исчез (рис. 2).

³ Потенциал протеста представляет доля респондентов, ответивших на вопрос «Что Вы готовы предпринять в защиту своих интересов?» следующим образом: «Выйду на митинг, демонстрацию», «Буду участвовать в забастовках, акциях протеста», «Если надо, возьму оружие, выйду на баррикады».

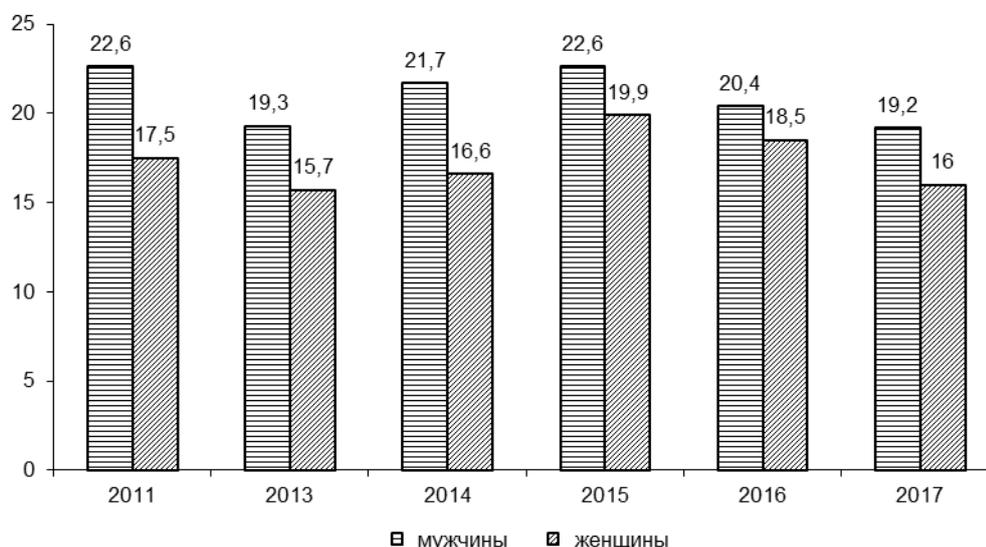

Рис. 2. Потенциал протеста у мужского и женского населения
Вологодской области в 2011—2017 гг.

И женская, и мужская часть населения убеждены, что их участие в решении проблем региона не сможет реально повлиять на изменение ситуации. По данным социологических опросов, в 2017 г. доля тех, кто полагает, что не может повлиять на состояние дел в области, по сравнению с 2011 г. у женщин увеличилась на 6 п. п. (с 66 до 72 %), у мужчин — на 5 п. п. (с 68 до 73 %) (табл. 2). Из полученных данных видно, что за последние 6 лет для населения региона характерен рост гражданского пессимизма.

Таблица 2

**Оценки возможности своего влияния на состояние дел в регионе, %
(ответ на вопрос «Как вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять
на состояние дел в нашей области?»)**

Пол опрошиваемых	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
	<i>Влиять на состояние дел в регионе возможно</i>					
Мужской	8,5	3,9	4,6	3,4	4,6	6,1
Женский	7,1	2,3	3,7	4,0	4,7	3,3
<i>Влиять на состояние дел в регионе невозможно</i>						
Мужской	67,7	69,1	73,3	69,5	70,7	73,2
Женский	65,7	69,1	73,4	72,1	73,3	72,3
<i>Затрудняюсь ответить</i>						
Мужской	23,8	27,0	22,1	27,1	24,7	20,7
Женский	27,2	28,7	22,9	23,9	22,0	24,4

По данным общероссийских исследований, также отмечается преобладание в умонастроениях россиян мнения о невозможности повлиять на ситуацию в стране. Специалисты Института социологии РАН утверждают, что во многих странах существует заметный разрыв между уверенностью основной части населения в том, что участие граждан в общественно-политической жизни желательно, и уровнем осознаваемого возможного влияния граждан на политический процесс, но в России этот разрыв один из самых заметных (57 и 11 %) [Российская идентичность... , 2007].

Оценки женщинами и мужчинами уровня своего гражданского участия в целом идентичны: по данным на 2017 г., доля положительных оценок составляет 21—23 п. п. (рис. 3). С 2011 по 2014 г. наблюдается устойчивая тенденция снижения показателя: на 12 п. п. у мужчин (с 27 до 15 %), на 9 п. п. у женщин (с 24 до 15 %). В целом за указанный период оценки активного гражданского участия незначительно снизились и у мужского, и у женского населения (на 4 и 3 п. п. соответственно).

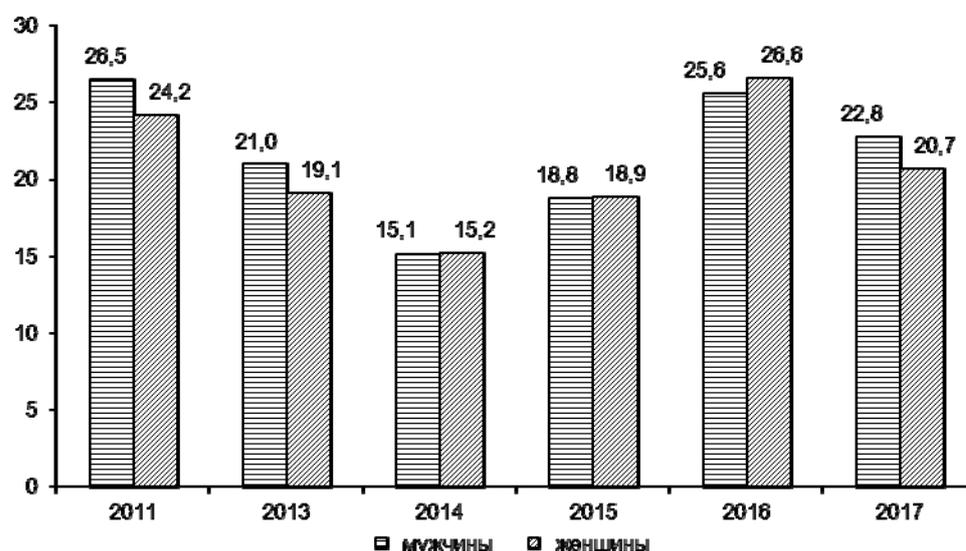

Рис. 3. Оценки женским и мужским населением Вологодской области уровня своего участия в общественной и политической жизни в 2011—2017 гг., % (варианты ответа: «активное» и «скорее активное»)

По данным социологических опросов, основными формами гражданского участия, как для женщин, так и для мужчин, в регионе являются выборы: в 2017 г. доля положительных ответов у женщин составила 53 %, у мужчин — 49 % (табл. 3). Анализируя данные за 2011—2017 гг. в отношении самой распространенной формы проявления гражданской активности населения, отметим негативную динамику: если в преддверии президентских выборов 2012 г. свое участие в выборах различного уровня отмечали более 70 % женщин и 65 % мужчин, то к 2017 г. этот показатель снизился на 16—17 п. п. У женского и мужского населения за указанный период увеличилась доля тех, кто принимал участие в субботниках (на 8 п. п. — у женщин (с 14 до 22 %), на 5 п. п. — у мужчин (с 10 до 15 %)). Кроме того, в 2017 г. в сравнении с 2011 г. увеличилась доля женщин, принимающих участие в благотворительности (на 8 п. п.: с 5 до 13 %).

Таблица 3

**Участие мужчин и женщин в мероприятиях общественной и политической жизни
в Вологодской области в 2011—2017 гг., %
(ответ на вопрос «В каких мероприятиях общественной и политической жизни
Вам приходилось участвовать в текущем году?»)**

Ответ	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
	Мужчины/женщины					
Выборы	65,6/70,4	61,5/67,5	37,5/44,6	45,3/49,6	31,0/32,0	49,4/53,1
Коллективное благоустройство, субботники	9,6/14,2	11,9/18,4	13,9/19,6	15,4/22,2	15,0/21,5	14,7/21,9
Сбор пожертвований, средств, вещей для нуждающихся	5,5/7,9	3,6/8,4	8,4/11,2	6,8/13,9	5,5/9,9	5,1/13,0
Работа ТСЖ, домового комитета (КТОС), совета дома, совета самоуправления	5,2/6,7	6,5/7,3	6,4/9,6	9,6/11,4	7,9/9,1	7,6/9,8
Подписание обращений, петиций в органы власти	2,1/3,1	2,1/2,6	2,4/2,8	3,7/3,9	3,7/4,6	4,6/6,6
Деятельность профсоюзных организаций	3,2/3,2	3,7/3,7	3,7/3,7	4,6/4,6	4,1/4,1	3,7/3,7
Проведение избирательной кампании	3,9/5,4	3,6/6,6	3,6/3,9	1,2/5,0	1,9/2,5	4,3/4,8
Деятельность общественных организаций	2,4/5,6	2,7/2,6	2,7/4,1	1,8/3,5	1,8/2,3	3,3/4,3
Митинги, демонстрации, пикеты	3,7/4,4	2,0/1,1	1,6/1,2	2,7/2,4	1,2/1,6	2,7/2,1
Деятельность религиозных организаций	0,6/0,6	0,5/0,5	0,7/0,7	1,2/1,2	1,4/1,4	1,1/1,1
Забастовки	0,9/1,1	0,2/0,2	0,4/0,1	0,0/0,1	0,6/0,6	0,4/0,6
Деятельность политических партий	1,3/0,7	0,9/1,3	0,6/1,2	0,6/1,1	0,9/0,5	2,1/1,6
Ни в чем подобном не участвовал	22,9/18,8	32,1/26,5	47,5/40,7	41,8/32,4	53,7/47,1	37,9/28,4

Обращает на себя внимание низкий уровень активности и женщин, и мужчин Вологодской области в таких важных сферах гражданского участия, как деятельность профсоюзов, работа ТСЖ, НКО и др.: доля положительных оценок в течение всего периода составляет менее 10 %. Между тем в целом по стране социологи отмечают рост вовлеченности населения в работу общественных организаций. Так, по данным ВЦИОМ, за последние 3 года доля россиян, имеющих опыт участия в деятельности общественных организаций, выросла с 16 до 25 %. Готовность участвовать в работе общественных организаций сегодня выражают 44 % (против 32 % в 2014 г.) [Мониторинг мнений... , 2017].

В целом следует констатировать, что гражданское участие населения региона находится на крайне низком уровне, при этом, по самооценкам, женщины в большей степени вовлечены в различного вида общественно-политические мероприятия, чем мужчины (для сравнения: в 2017 г. о том, что вообще не участвуют в подобных видах деятельности, заявили 28 % женщин и 48 % мужчин).

В качестве главных причин, препятствующих гражданскому участию, и женское, и мужское население региона выделяет «неверие в возможность оказывать влияние на решения властей», «безразличие к общим делам, индивидуализм», «привычку надеяться на готовое, в том числе на власть». С 2011 по 2017 г. наблюдается снижение доли тех, кто в качестве препятствия для гражданской активности отметил «безразличие к общим делам» (у женщин — на 9 п. п.: с 28 до 19 %, у мужчин — на 4 п. п.: с 24 до 20 %). За указанный период мужчины стали реже выделять как препятствие «неверие в возможность оказывать влияние на властные решения» (на 7 п. п.: с 26 до 19 %). У женщин в 2011—2017 гг. показатель сохраняется без положительных изменений (табл. 4).

Таблица 4

Препятствия для гражданской активности по самооценкам населения региона, %

Показатель	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
	<i>Мужчины/женщины</i>					
Привычка надеяться на готовое, в том числе на власть	19,9/18,4	21,4/22,5	21,9/21,8	19,1/19,8	19,0/20,1	20,4/18,1
Безразличие к общим делам, индивидуализм	23,8/28,1	23,4/24,7	21,9/24,8	18,5/20,5	25,1/23,9	19,5/19,3
Неверие в возможность оказывать влияние на решения властей	25,6/23,2	25,6/28,4	23,0/22,4	18,7/22,9	19,9/24,3	18,6/22,1
Недостаток времени, чрезмерная занятость	12,3/12,4	16,7/14,6	16,3/14,0	13,9/14,8	17,5/19,2	15,3/14,4
Недостаток знаний, некомпетентность	14,8/15,5	18,4/19,6	15,2/16,4	13,0/17,3	19,2/20,1	14,6/17,9
Боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, властей, правоохранительных органов	17,1/14,9	20,1/19,8	21,3/18,4	13,3/10,5	13,9/12,6	13,8/15,2
Отсутствие способности к организации	9,1/7,6	10,9/11,2	9,7/11,6	9,9/9,1	10,5/11,3	10,0/9,3
Боязнь негативной реакции со стороны окружающих	7,2/6,4	9,5/9,3	7,2/7,6	5,3/7,4	5,2/5,3	6,7/5,2
Другое	0,4/0,7	0,3/0,2	0,3/0,1	0,0/0,1	0,4/0,2	0,6/0,2
Затрудняюсь ответить	26,6/27,9	30,3/29,3	29,7/30,0	36,7/33,8	35,9/34,9	37,5/36,6

На феномен уверенности населения в невозможности повлиять на состояние дел в общественно-политической жизни как на один из важнейших факторов, препятствующих гражданской активности, обращают внимание многие исследователи. Социологи отмечают, что граждане всякий раз сами убеждаются, что у них нет возможности повлиять на решения власти, обустройство жизни на своей территории, что общественная самореализация никем не востребована. С другой стороны, и власть пока не научилась работать с социальными активистами и разными формами общественной активности, не умеет и зачастую не хочет планировать общественный диалог при реализации общезначимых проектов [Седова, 2011].

Выводы

Проведенное исследование показало, что в целом за 2011—2017 гг. для женщин и мужчин Вологодской области характерны схожие тенденции в процессе гражданского участия: за указанный период происходит снижение уровня активности в общественно-политической жизни. Одновременно с этим растет убежденность в невозможности повлиять на состояние дел в жизни региона, что, судя по оценкам, выступает одним из главных факторов низкой гражданской инициативы на местах. В последние годы, по данным опросов, выявлен рост готовности к объединению для совместных действий, причем конструктивных, а не разрушительных, о чем свидетельствует отсутствие роста (и даже снижение) потенциала протеста. Основными формами гражданского участия и для женщин, и для мужчин в регионе являются выборы и субботники. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о низком уровне участия населения Вологодской области в мероприятиях общественно-политической жизни. В то же время установлено, что у женщин вовлеченность в различные формы участия в решении проблем региона выше, чем у мужчин. Таким образом, можно сделать вывод, что женское население наравне с мужчинами выступает полноправным субъектом в сфере гражданского участия региона, что свидетельствует об отсутствии гендерных барьеров в этом направлении.

Библиографический список

- Бекижеева Д. И., Кулябцева В. Н. Активность женских общественных объединений в современном политическом процессе // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. 2012. № 3. С. 190—199.
- Великая Н. В. Женские общественные объединения как социальный ресурс политической модернизации в современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 4 (14). С. 127—129.
- Горшков М. К. Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить (1998—2004 гг.) // Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа. М.: Наука, 2005. С. 32—44.
- Горшков М. К. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход: (статья 2) // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 5—13.

- Гражданское общество в модернизирующейся России: аналитический доклад по итогам реализации проекта «Индекс гражданского общества» / под ред. Л. И. Яковсона, И. В. Мерсияновой и др.; Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2011. 124 с.
- Мониторинг мнений (ВЦИОМ), ноябрь — декабрь 2017 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 149—179.
- Никовская Л. И., Скалабан И. А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Политические исследования. 2017. № 6. С. 43—60.
- Полищук Л. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 46—65.
- Российская идентичность в социологическом измерении: аналитический доклад / Институт социологии РАН. 2007. URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html (дата обращения: 22.01.2018).
- Седова Н. Н. Модернизация в контексте гражданского участия // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 101. С. 81—87.
- Шведова Н. А. Политические партии и гендерное равенство // Женщина в российском обществе. 2016. № 4. С. 21—30.
- Alesina A., la Ferrara E. Participation in heterogeneous communities // *The Quarterly Journal of Economics*. 2000. Vol. 115, № 3. P. 847—904.
- Chambers R. Who Counts? The Quiet Revolution of Participation and Numbers: IDS Working Paper 296. Brighton (UK): IDS, 2007. 43 p.
- Cornwall A. Locating Citizen Participation. 2002. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1759-5436.2002.tb00016.x> (дата обращения: 15.01.2018).
- Cornwall A. Unpacking “Participation”: models, meanings and practices // *Community Development Journal*. 2008. [Iss.] 43 (3). P. 269—283.
- Gaventa J. Towards participatory local governance: assessing the transformative possibilities // *Participation: from Tyranny to Transformation* / ed. by S. Hickey, G. Mohan. London: Zed Books, 2004. P. 25—41.

References

- Alesina, A., la Ferrara, E. (2000) Participation in heterogeneous communities, *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 115, no. 3, pp. 847—904.
- Bekizheeva, D. I., Kuliabtseva, V. N. (2012) Aktivnost' zhenskikh obshchestvennykh ob'edinenii v sovremennom politicheskom protsesse [Activity of women's public associations in the modern political process], *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia 1, no. 3, pp. 190—199.
- Chambers, R. (2007) *Who Counts? The Quiet Revolution of Participation and Numbers*: IDS Working Paper 296, Brighton, UK: IDS.
- Cornwall, A. (2002) *Locating Citizen Participation*, available from <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1759-5436.2002.tb00016.x> (accessed 15.01.2018).
- Cornwall, A. (2008) Unpacking “Participation”: models, meanings and practices, *Community Development Journal*, iss. 43 (3), pp. 269—283.
- Gaventa, J. (2004) Towards participatory local governance: assessing the transformative possibilities, in: Hickey, S., Mohan, G. (eds), *Participation: from Tyranny to Transformation*, London: Zed Books, pp. 25—41.
- Gorshkov, M. K. (2005) Grazhdane novoï Rossii: kem sebia oshchushchali i v kakom obshchestve khoteli by zhit' (1998—2004 gg.) [Citizens of new Russia: who do they feel and in what kind of society would they like to live in (1998—2004)], in: *Rossiiskaia*

- identichnost' v usloviakh transformatsii: opyt sotsiologicheskogo analiza*, Moscow: Nauka, pp. 32—44.
- Gorshkov, M. K. (2017) Rossiiskii sotsium v usloviakh krizisnogo razvitiia: kontekstnyi podkhod: (Stat'ia 2) [Russian society in crisis development: contextual approach: (Article 2)], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 5—13.
- Iakobson, L. I., Mersiianova, I. V. et al. (eds) (2011) *Grazhdanskoe obshchestvo v moderniziruiushcheisia Rossii: Analiticheskiĭ doklad po itogam realizatsii proekta "Indeks grazhdanskogo obshchestva"* [Civil society in modernizing Russia: Analytical report on the results of the "Civil society index project"], Moscow: Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshaia shkola ekonomiki".
- Nikovskaia, L. I., Skalaban, I. A. (2017) Grazhdanskoe uchastie: osobennosti diskursa i tendentsii real'nogo razvitiia [Civic participation: features of discourse and trends in real development], *Politicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 43—60.
- Polishchuk, L. (2011) Ekonomicheskoe znachenie sotsial'nogo kapitala [The economic importance of social capital], *Voprosy ekonomiki*, no. 12, pp. 46—65.
- Rossiiskaia identichnost' v sotsiologicheskom izmerenii: Analiticheskiĭ doklad Instituta sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk (2007)* [Russian identity in the sociological dimension: Analytical report by the Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences], available from http://www.isras.ru/analytical_report_Ident.html (accessed 22.01.2018).
- Sedova, N. N. (2011) Modernizatsiia v kontekste grazhdanskogo uchastiia [Modernization in the context of civic participation], *Monitoring obshchestvennogo mneniia*, no. 101, pp. 81—87.
- Shvedova, N. A. (2016) Politicheskie partii i gendernoe ravenstvo [Political parties and gender equality], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 21—30.
- Velikaia, N. V. (2012) Zhenskie obshchestvennye ob"edineniia kak sotsial'nyi resurs politicheskoi modernizatsii v sovremennoi Rossii [Women's public associations as a social resource of political modernization in contemporary Russia], *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatelnaia mysl'*, no. 4 (14), pp. 127—129.

Статья поступила 09.02.2018 г.

Информация об авторе / Information about the author

Уханова Юлия Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН, г. Вологда, Россия, ukhanova4@rambler.ru (Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Vologda Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russian Federation).